

Е.Ф. Грекулов

Православная инквизиция в России

Фрагменты по векам [\[20.141\]](#)

Лишь в годы первой русской революции прогрессивному историку и общественному деятелю А.С. Пругавину удалось познакомить русское общество с инквизиционной деятельностью монастырских застенков.

Верховным защитником и хранителем догматов православной церкви и блюстителем правоверия провозглашался царь, повиноваться которому, как сказано в законах, повелевал сам бог. Православная церковь объявлялась национальной, русской церковью. От русских людей требовалось, чтобы они «любили эту церковь вместе с царём и царицей превыше всего».

Церковно-приходская школа рассматривалась как дополнение к церкви

Оглавление кратких фрагментов

XI.....	4
Православная церковь в борьбе против антицерковного движения.....	4
Ведовские процессы	4
Монастырские тюрьмы	4
XII.....	5
Православная церковь в борьбе против антицерковного движения.....	5
XIII.....	6
Ведовские процессы	6
XV	7
Ведовские процессы	7
Насаждение православия.....	7
XVI	8
Православная церковь в борьбе против антицерковного движения.....	8
Ведовские процессы	8
Насаждение православия.....	8
Отлучение и анафема	9
Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы	9
Гонения на просвещение и науку.....	9
XVII	10
Ведовские процессы	10
Инквизиционные методы борьбы с расколом	10
Монастырские тюрьмы	12
Насаждение православия.....	13
Отлучение и анафема	14
Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы	15
Гонения на просвещение и науку.....	17
XVIII	18

Введение	18
Ведовские процессы	19
Инквизиционные методы борьбы с расколом	20
Монастырские тюрьмы	23
Насаждение православия.....	27
Отлучение и анафема	27
Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы	28
Гонения на просвещение и науку.....	29
XIX.....	31
Инквизиционные методы борьбы с расколом	31
Монастырские тюрьмы	31
Насаждение православия.....	33
Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы	35
Гонения на просвещение и науку.....	38
XX.....	41
Отлучение и анафема	41
Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы... ..	42
Гонения на просвещение и науку.....	43

XI

Православная церковь в борьбе против антицерковного движения

По распоряжению митрополита Леонтия Адриан был отлучён от церкви и заточен в монастырскую тюрьму. Новгородского архиерея Луку Жидяту, жившего в XI в., летописец называет «звероядивым». От жестокости этого епископа, от «заточения и грабления» пострадало много людей. «Сей мучитель, — говорит летописец, — резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». Так же сурово расправлялся Лука с принадлежавшими ему крестьянами. Холопу Дудику, не угодившему чем-то своему феодалу, по приказанию Луки Жидяты отрезали нос и обе руки.

Ведовские процессы

Летопись отмечает, что в 1024 г. в суздальской земле были схвачены волхвы и «лихие бабы» и преданы смерти через сожжение. Их обвинили в том, что они — виновники постигшего суздальскую землю неурожая. В 1071 г. в Новгороде казнили волхвов за публичное порицание христианской веры. Так же поступили и ростовцы в 1091 г.

Монастырские тюрьмы

Многие монастыри царской России служили тюрьмами, в которые заключались лица, обвиняемые в религиозном свободомыслии, участники антицерковных движений, а также боровшиеся против самодержавия, против крепостного гнёта, участники революционного движения. Монастырское заключение — одно из самых тяжких наказаний, применяемых православной церковью с давних пор. Так, в Никоновской летописи рассказывается, что ещё в начале XI в. еретики заключались в погреба архиерейских домов...

XII

Православная церковь в борьбе против антицерковного движения

В XII в. «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Фёдор. Он лишал своих противников сел, одних обращал в рабство, других заключал в тюрьмы, рубил им головы, выжигал глаза, резал языки, распинал на стенах. В рассказе летописца отразилась борьба, которую вели между собой церковники за власть. Владимирский епископ как крупный феодал отказывался признавать власть киевского митрополита. Обвинив своих противников в еретичестве, он через свой суд приговорил их к смертной казни, добился конфискации их имущества, а многих заключил в тюрьмы. В борьбе с киевским митрополитом Фёдор потерпел поражение, и его выдали на суд митрополиту. Митрополичий суд в свою очередь обвинил Фёдора в еретичестве и подверг жестокому наказанию: ему отрезали язык, затем отсекли правую руку и «вынули очи», т.е. ослепили.

XIII

Ведовские процессы

В Новгороде после допросов и пыток сожгли в 1227 г. четырёх «волшебников». Как рассказывает летопись, казнь происходила на архиерейском дворе по настоянию новгородского архиепископа Антония. Духовенство поддерживало в народе веру, будто колдуны и ведьмы способны на поступки, враждебные христианству, и требовало жестокой расправы с ними.

XV

Ведовские процессы

Жертвами православных инквизиторов были главным образом женщины. По церковным представлениям, женщины легче всего входили в сношения с дьяволом. Женщин обвиняли в том, что они портят погоду, посева, что они виновницы неурожая и голода. Киевский митрополит Фотий разработал в 1411 г. систему мероприятий по борьбе с ведьмами. В своём послании к духовенству этот инквизитор предлагал отлучить от церкви всех, кто будет прибегать к помощи ведьм и чародеев. В том же году по наущению духовенства в Пскове сожгли 12 колдуний, «вещих женок», их обвинили в чародействе. В 1444 г. по обвинению в чародействе в Можайске всенародно был сожжён боярин Андрей Дмитриевич с женой.

Насаждение православия

Грамота 1452 г. митрополита Ионы вятскому духовенству красноречиво рассказывает, как внедрялось христианство среди нерусских народов Вятского края. Священники, по признанию митрополита, перемучили много людей, переморили, в воду пометали, сжигали в избах мужчин, старцев и малых детей, выжигали глаза, младенцев сажали на кол и умерщвляли. Расправляясь с такой жестокостью с нерусскими народами, не желавшими креститься, инквизиторы угрожали им ещё «великой опалой» от государя и «конечным извержением без милости» от церкви. Митрополит не осуждал духовенство за зверскую расправу с нерусскими народами. Он предостерегал только, что кровавый террор по отношению к народам, не желавшим принять православие, может вызвать ненависть их к духовенству и нанести ущерб церкви.

XVI

Православная церковь в борьбе против антицерковного движения

Московских еретиков судил церковный собор 1504 г. По настоянию собора наиболее активных еретиков — Ивана Волка, Михаила Коноплева и Ивана Максимова сожгли в клетке в Москве, а Некраса Рукавова — в Новгороде, предварительно отрезав ему язык. Духовные инквизиторы во главе с митрополитом Симоном настояли ещё на сожжении юрьевского архимандрита Кассиана. Его брат Иван Черный бежал «в немцы»...

На церковном соборе 1554 г. как «безбожного еретика и отступника православной веры» осудили Матвея Башкина. Он считал, что рабство несовместимо с принципами истинного христианства, и говорил о необходимости уничтожить холопство, так как «Христос всех братией нарицает». Башкин подверг критике церковные каноны и догмы: отрицал божественное происхождение Иисуса, не признавал «угодников» и поклонения иконам. В выступлении Башкина против церкви и её догматов под религиозной оболочкой скрывался протест масс против закабаления и феодальной эксплуатации. Защищая устои феодально-крепостнического государства, церковные иерархи не могли простить Башкину его взглядов. Башкина подвергли пыткам и заставили признаться в еретичестве. Как передают некоторые источники, по приговору церковного собора Башкина посадили в деревянную клетку и сожгли. Его сторонники были разосланы по монастырям в строгое заключение

Ведовские процессы

В 1591 г. в Астрахани обнаружили колдунов, виновных в «порче», т.е. в заболевании, крымского царевича Мурата Гирея. «Колдуны» были сожжены при большом стечении народа

Насаждение православия

В Казанском крае христианизация началась со второй половины XVI в., вскоре после завоевания Казани здесь были основаны монастыри. Над татарами, противившимися крещению, совершалось дикое насилие: их сажали в тюрьмы, у них отбирали земли, их выселяли из деревень, заставляли жениться на русских

женщинах, держали в цепях. При этом церковники не скрывали, что их цель — «народ от татарской веры отучить и остращать».

Отлучение и анафема

В 1537 г., в малолетство Ивана IV, князь Андрей Старицкий хотел оставить Москву и уехать во враждебную Москве Литву. Митрополит Даниил послал к князю Андрею своих посланцев с угрозой, что если он выполнит своё намерение, то на него и на жителей его земли будет наложено церковное проклятие. Князю Андрею пришлось смириться.

Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы

Нетерпимость православного духовенства к другим религиям не раз отмечали иностранцы, посещавшие Московское государство. Вот что писал в «Записках о Московии» немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн: «Московиты хвалятся, что они одни только христиане, а нас осуждают как отступников от первобытной церкви и её установлений». Эту нетерпимость подметил и иностранец Д. Флетчер в своём сочинении «О государстве русском» (1591 г.).

Гонения на просвещение и науку

Уже в древней Руси церковь выступала в роли гонительницы просвещения и науки. На церковных соборах XIV - XVII вв. рассматривались и утверждались индексы запрещённых книг. Древнейший церковный памятник — Кормчая книга — за чтение таких книг назначала церковное проклятие. Книги, признанные вредными, предлагалось сжигать на теле лиц, у которых они были обнаружены. Особенно ненавистны были духовным властям книги, пришедшие с Запада. Стремясь сохранить в неприкосновенности господствующую религиозную идеологию, освящавшую крепостнический строй и эксплуатацию народа, духовные власти боролись с проникновением в Москву западноевропейских идей, уничтожали привезённые оттуда книги, а распространителей этих идей и хранителей запрещённых книг подвергали жестокой казни. При Иване III за хранение и чтение иностранных книг в Москве сожгли в деревянной клетке князя Лукомского вместе с переводчиком Матиасом Ляхом, обвинив их в чародействе и злом умысле. Тогда же как колдуна, знавшего с нечистой силой, казнили врача-иностранца Антона Эренштейна, а в 1580 г., в царствование Ивана IV, сожгли как «лютого волхва» придворного врача-иностранца Бомелия.

XVII

Ведовские процессы

В 1606 г. процесс о «порче» возник в Перми. Здесь по обвинению в чародействе отправили на костёр несколько человек. В 1647 г. при царе Алексее Михайловиче в Шацке по навету церковных «доказчиков» чародеями объявили жёнку Агафьицу и крестьянина Терешку. По указу царя несчастных вывели на площадь, где сказали об их «богомерзком деле», затем посадили в сруб, обложили соломой и сожгли. В том же году за чародейство сослали в Кирилло-Белозерский монастырь крестьянина Михаила Иванова: он-де «наговорами» испортил невесту царя Евфимию Всеволжскую. В 1649 г. в чародействе обвинили жёнку Анюту и какого-то мордвина. Их трижды пытали и жгли огнём так, что поломали им ребра и сожгли ноги, потом бросили в тюрьму, где они умерли от голода...

В 1630 г. по делу одной «бабы-ворожейки» было привлечено 36 человек; по делу Тимошки Афанасьева, возникшему в 1647 г., судили 47 «виновных». В 1648 г. вместе с Первушкой Петровым, обвинённым в чародействе, «пытали» истину у 98 человек. За Алёнкой Дарьницей, привлечённой к суду в 1648 г. за тот же грех, последовали 142 жертвы. С Анюткой Ивановой (1649 г.) судили за чародейство 402, а по процессу Умая Шамардина (1664 г.) — 1452 человека...

В 1672 г. в Астрахани при большом стечении народа сожгли Корнилу Семенова, у которого были найдены какие-то заговоры. Вскоре после этого в 1674 г. в Тотьме обвинили в «порче» жёнку Федосью; её, конечно, сожгли. В 1676 г. в Сокольском сожгли в срубе пушкаря Панко Ломоносова и его жёнку Аноску вместе с кореньями и травами, которые те применяли для лечения...

Инквизиционные методы борьбы с расколом

Во второй половине XVII в. в Московском государстве возникло широкое религиозное движение, известное под именем раскола... Это была классовая борьба, принявшая религиозную окраску, чем и объясняется живучесть раскола, просуществовавшего, несмотря на гонения, много лет...

Патриарх Никон, подобно своим предшественникам, был богатейшим феодалом и не стеснялся в средствах, когда шла речь об увеличении его вотчин и богатств. Современники говорили о Никоне, что он, как разбойник, грабил церкви и монастыри, захватывал вотчины бояр и служилых людей. Этому феодалу принадлежало свыше 25 тысяч крестьянских дворов. Крестьяне, жившие на патриарших землях, подвергались тягчайшей эксплуатации. Как отмечает один

источник, Никон своих крестьян «тяжкими трудами умучил». Он беспощадно расправлялся также с неугодившими ему церковниками. За малейшие провинности их заключали в монастыри, отправляли в ссылку. Его называли «лютым волком», «жестоким истязателем».

Начав поход против сторонников старой веры, Никон подвергал пыткам наиболее активных представителей раскола. Им резали языки, руки и ноги, сжигали на кострах. При Никоне инквизиторские костры запылали во многих местах. Яркую картину кровавого террора, предпринятого Никоном и его приспешниками, даёт, в частности, раскольническая литература. «Никон, — писал в своём послании расколуучитель Аввакум, — епископа Павла Коломенского мучил и сжёг в новгородских пределах; протопопу костромского Даниила уморил в земляной тюрьме в Астрахани; священнику Гавриилу в Нижнем приказал отрубить голову; старца Иону Казанца в Кольском остроге на пять частей рассекли; в Холмогорах сожгли Ивана Юродивого, в Боровске — священника Полиевкта и с ним 14 человек. В Нижнем сожгли народу много, в Казани 30 человек, а живущих на Волге в городах и сёлах и не хотевших принять антихристовой печати клали под меч тысячами. А со мной, — продолжал далее Аввакум, — сидело 60 человек и всех нас мучил и бил и проклинал и в тюрьме держал»...

Для борьбы с расколом в 1681 г. вновь созвали церковный собор во главе с патриархом Иоакимом. Этот собор решил казнить огнём первых расколуучителей и применить самые жестокие меры к их последователям. Постановления собора стали послушно выполняться, и 1 апреля 1681 г. на площади в Пустозерске сожгли в срубе раскольнических учителей протопопу Аввакуму, Лазарю, Епифанию и Никифорову, томившихся в местной тюрьме. По настоянию патриарха Иоакима в 1684 г. сожгли видного расколуучителя Фёдора Михайлова.

Один из выдающихся раскольнических учителей Никита Пустосвят, как отмечает постановление церковного собора, был «главосечен и в блато ввержен, и псам брошен на съядение»...

Несмотря на церковные проклятия и огненные казни, число раскольников не только не уменьшалось, но быстро росло. На сторону раскольников переходили крестьяне и посадские люди, видя в новой идеологии одно из средств борьбы с социальным гнетом. В 1676 г. раскольников насчитывалось уже свыше ста тысяч. Только в Нижегородском крае при населении в 302 тысячи человек было 86 тысяч раскольников..

О страшном терроре против раскола свидетельствует расправа с тремя псковскими раскольниками — Иваном Меркурьевым, Мартином Кузьминым и монастырским «бобылкой», т.е. крестьянином. Этих раскольников судил в 1683 г. псковский митрополичий приказ по распоряжению митрополита Маркелла. Их обвинили в

«непристойных словах» против церкви, в «богохульном расколе» и распространении «писем», содержавших критику официальной церкви. Всех обвиняемых бросили в тюрьму Печерского монастыря, где жестоко пытали. Как сообщалось в «распросных речах», они были «на пытке распрашиваны и пытаны крепко и огнём и клещами жжены многажды и были им многие встряски».

Вырвав нужные признания и дав им ещё по сто ударов плетьюми, инквизиторы отправили свои жертвы в застенок псковского воеводы Бориса Шереметьева, где по настоянию митрополита Маркелла их вновь пытали. Затем Ивана Меркурьева как главного зачинщика сожгли на костре, а пепел развеяли, чтобы «отнюдь знаков и костей не было». Мартина Кузьмина и монастырского бобылку отправили в Печерский монастырь для содержания «под крепким началом». Отобранные у них противоцерковные «письма и тетради» были сожжены... Церковных противников сжигали не только на кострах, но и в раскалённых железных котлах. Так в 1669 г. были сожжены в железном котле раскольники Пётр и Евдоким...

Не всегда раскольники, крестьяне и работные люди пассивно относились к «грабительству» и «разорению», которые чинили им представители церкви. Они оказывали им часто активное сопротивление. В 1687 г. крестьяне-раскольники, вооружённые ружьями и дрекольем и имевшие даже пушки, захватили Палеостровский монастырь в Челмужском погосте Олонецкого края, уничтожили церковную утварь, монастырские жалованные грамоты и купчие крепости, а игумена Феодосия с десятью монахами связали и бросили в погреб. Для освобождения монастыря был снаряжён большой воинский отряд во главе с протопопом. Восставшие крестьяне держали монастырь в осаде в течение шести недель. После отчаянного сопротивления осаждённые решили сжечь себя и монастырь. В огне сгорело около 2700 человек... В 1693 г. раскольники захватили церковь Пудожского погоста, изгнали священников и разграбили утварь. Для наказания восставших царский воевода Стрешнев послал воинскую команду с духовенством. Команде было велено сжечь крестьянские дома, а их самих отправить в тюрьму. Уйдя от отряда в деревню Строкино, крестьяне - раскольники заперлись в четырёх избах и после отчаянного сопротивления предали себя сожжению, понося церковь и духовенство, называя церковь «вертепом разбойников», а священников — «волками врата адова».

Монастырские тюрьмы

Самыми страшными из монастырских застенков были земляные тюрьмы. Там держали наиболее опасных для церкви и царизма преступников — «раскольников и церковных мятежников». Земляные тюрьмы представляли собой вырытые в земле ямы, в которые затем опускались деревянные срубы. Поверх земли делалась кровля с небольшим оконцем для передачи пищи. В такой земляной

тюрьме томился один из расколуучителей, протопоп Аввакум. «Еретики — собаки, — говорил он, — как-то их дьявол научил: жива человека закопать в землю». На него надели ещё «чепь со стулом», которые он носил в течение всего заключения в монастырской тюрьме. В такую же яму по приказанию патриарха Иоакима были брошены в оковах участники соловецкого восстания 1668-1676 гг.

В 1661 г. ростовский митрополит Иона рассматривал дело о «церковных развратниках» — ростовском портном Богданове и его учениках, посадском человеке Фёдоре Логинове и огороднике Постникове. Их обвинили в том, что они не ходят в церковь, не выполняют церковных обрядов, оскорбляют иконы, мощи называют куклами, священников — мучителями, а патриарха Никона — лживым отцом, предтечей антихриста. По окончании следствия митрополит Иона передал обвиняемых светскому суду. По настоянию митрополита их подвергли допросу «с пристрастием», т.е. пытали. Во время жестоких пыток Богданов держался мужественно и не отказался от своих убеждений. За «неистовые речи и развратие церковного устава» Богданова отправили в Кандаджский монастырь на Кольском полуострове с предписанием держать с «великим бережением». Он был заключён в каменный мешок, где находился в кандалах, лишённый света, мучимый холодом и голодом.

Насаждение православия

Насильственное крещение проводилось при колонизации Поволжья и Сибири в XVII в. Правительство вместе с духовными властями стремилось привлечь на свою сторону феодальную верхушку, обещая ей в случае крещения разные льготы. У мурз, не желавших креститься, отбирались поместья с православными крестьянами, они лишались права распоряжаться ими. Крестьянам при переходе в православие предоставлялись некоторые льготы на шесть лет. Упорствующих превращали в крепостных. Но и крещение не освобождало нерусские народы от крепостного и национального гнёта. Их поработали одинаково и русские помещики и принявшие православие татарские мурзы. Крестьяне пытались жаловаться на притеснения со стороны помещиков и духовенства, но за «челобитья» их заключали в тюрьмы, били кнутом, убивали. В свою очередь и крестьяне, борясь с насильственной христианизацией, разрушали монастыри и церкви, избивали наиболее ненавистных им священников, некоторых даже убивали, поднимали массовые восстания.

В Сибири среди остяков и вогулов огнём и мечом действовал сибирский митрополит Филофей Лещинский. Этот инквизитор разрушал нехристианские кладбища, рубил и сжигал капища, возводя вместо них часовни, силой обращал сибирские народы в православие, угрожая в случае отказа смертью. Вогулы и остяки отвергали попытки церковников задобрить их льготами по уплате ясака и

подарками. «Лестью хотите отвратить нас от древней нашей веры, разорить и уничтожить нас, — говорили они. — Головы свои положим, но этого не допустим». Несмотря на сопротивление местных народов, Филофей обратил в православие свыше 40 тысяч человек. В качестве одной из приманок для крещения применялось освобождение новокрещённых от наказания за совершенные ранее проступки. Например, в 1723 г. за нежелание принять участие в переписи мариёвцы были приговорены к нещадному наказанию. Чтобы избежать наказания, 545 крестьян - мариёвцев согласились креститься. Однако крестьяне — новокрещённые не хотели посещать церкви, выполнять церковные обряды. В ответ на жесточайшие наказания крестьяне сжигали церкви и дома священников, поднимали восстания. Таковыми были, например, восстание башкир 1704–1708 гг., слившееся с булавинским восстанием 1707–1708 гг., восстание березовских вогулов и остяков 1707 г. и др. Восстания потерпели поражения, и многие башкиры, и другие народы нерусской национальности, захваченные в плен, были приговорены к смерти. Спасая свою жизнь, башкиры и другие народы соглашались перейти в православие. За обратный же переход в мусульманство их сжигали на кострах как вероотступников.

Отлучение и анафема

В борьбе с расколом, кроме светского меча, использовалось также отлучение. Церковный собор 1667 г. отлучил от церкви раскольников и предал их проклятию не только в этой жизни, но и в будущей как «еретиков и непокорников». Особо были преданы анафеме расколоучители — протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьякон Фёдор и др. Анафеме подвергались раскольники и при Петре I — их обвиняли при этом в возмущении против гражданского и церковного правительства и поругании церкви.

Отлучение от церкви было также одним из средств защиты церковных привилегий, её недвижимых имений. Митрополит Киприян в своей грамоте 1395 г., угрожая проклятием «за невнимание и нерадение», уговаривал псковичей не отнимать от церкви земли и села. Игумен киевского Михайловского Златоверхового монастыря Макарий в 1562 г. устрашал своих «обидчиков-разорителей», пытавшихся захватить монастырские земли, церковным проклятием не только в этот век, но и в будущей, «вместе с родом своим»...

В конце XVII в. царский чиновник, боярский сын Яков Елагин стал судить лиц, которые были ранее подсудны сибирскому митрополиту Павлу. Митрополит усмотрел в этом для себя «ругательство» и отлучил Елагина от церкви. Под страхом проклятия гражданам запрещено было всякое общение с опальным Елагиным, что было равносильно гражданской смерти. Елагину пришлось смириться и пойти к митрополиту на поклон.

Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы

Враждебное отношение православной церкви к протестантству хорошо выразил московский патриарх Филарет, когда во время сватовства Михаила Романова к племяннице шведского короля в ответ на требование послов иметь в Москве свою церковь ответил: «Костелы иных вер в Московском государстве никогда не бывали и впредь то статья не может, потому что то нашей вере православной противно». Для борьбы с проникновением в Московское государство западных идей и просвещения архимандрит московского Новоспасского монастыря Игнатий по поручению патриарха Никона составил против лютеран особое «Слово», в котором, разжигая религиозную нетерпимость, называл последователей Лютера «проклятыми еретиками и развратителями», а лютеранские церкви — «вертепами разбойничьими». Игнатий настаивал на разрушении лютеранских церквей, а лютеран предлагал изгнать из России...

Только в обстановке такой религиозной нетерпимости могло возникнуть дело Квирина Кульмана, закончившееся сожжением его как еретика. Квирин Кульман родился в 1651 г. в Бреславле и был последователем протестантского мистического учения «башмачника» Бема и других мистиков, казнённых ранее в Саксонии, Венгрии и Пресбурге за пропаганду учения, противного господствующей лютеранской церкви. Кульман отвергал светскую науку, всюду видел господство антихристианского духа. В его произведениях, как отметили московские переводчики, были «многие еретические и богомерзкие дела», проклинал римский папа и вся римская вера, содержались «злоплевельные и бунтующие массы мысли».

Приняв учение своих учителей, Кульман, приехав в Москву, стал распространять печатные листы, в которых «содержались пророчества странные и еретические». Доносы на Кульмана сделали отличавшийся своей нетерпимостью московский лютеранский пастор Иоахим Мейнека, а также иезуиты, мстившие Кульману за раскрытие политического заговора, в котором они участвовали. Еретическим учением Кульмана заинтересовался и патриарх Иоаким — непримиримый противник проникновения в Московское государство западноевропейских идей, светских наук. По настоянию патриарха Кульман был арестован вместе со своим горячим сторонником купцом Кондратием Нордерманом. Кульмана и Нордермана обвинили в том, что они еретики и чернокнижники, а писания их «безумные, злоплевельные и ложные, христианской вере вредительные». Кульмана и Нордермана трижды пытали, жгли клещами и дали каждому по 25 ударов кнутом. Но пытки не сломили их мужества. Они продолжали говорить, что в их учении нет ничего противного православной вере и интересам Московского государства. По настоянию патриарха Кульмана и Нордермана как «ложных пророков», за

«богоотступничество и отрицание власти государей» приговорили к казни. 4 октября 1689 г. их доставили из тюрьмы, где они содержались, на городскую площадь и сожгли в срубе. Вместе с ними были сожжены и их «еретические и богомерзкие хульные книги и письма». Вместе с Кульманом и Нордерманом собирались ещё сжечь живописца Генина, но он, находясь в тюрьме и не видя для себя избавления, повесился. После казни в Новгород и Псков по настоянию патриарха Иоакима были отправлены грамоты о задержке иноземцев, желавших приехать в Москву, с тем, чтобы недопустить проникновения иноземного влияния⁶.

Предав казни Кульмана и Нордермана, церковь и государство тем самым пытались защитить «чистоту» лютеранства, хотя с распространением его они боролись всеми средствами, не исключая и смертной казни. Так, в 1715 г. за переход из православия в протестантство судили крестьянина Унруда. Ему вырвали язык, затем отсекали руки, а под конец голову. За оставление православия судили в 1696 г. и Якова Янсена. Это был голландский матрос, поступивший на русскую службу и принявший православие. Во время первого азовского похода Янсен перешёл на сторону турок и принял мусульманство. По требованию Петра турецкие власти выдали перебежчика. Янсена привезли в Москву скованным, с петлёй на шее, поставили под виселицей и сделали надпись: «Сей злодей веру свою переменял четырежды, изменник стал богу и человеком, католик сей стал протестант, потом грек, а вконец магометанин». Янсену изломали колесом руки и ноги, затем отсекали голову и насадили её на кол.

Несмотря на разжигание ненависти к иностранцам-иноверцам, многие москвичи пытались завязать с ними дружеские отношения и перенять у них практические знания. Интересна в этой связи жалоба матери на сына Кондрата, с которой она обратилась к московскому патриарху. Религиозная женщина жаловалась на своего сына, что он, «забыв страх божий, в церковь божью не ходит, отца духовного не имеет, с иноземцами некрещёнными водится». Любопытного юношу по распоряжению патриарха били батогами и сослали под начал в московский Симонов монастырь...

Московское правительство не допускало приезда в Москву сторонников «латинской» веры. Под угрозой смертной казни купцам и торговым людям, приезжавшим в 1634 г. из Голштинии (герцогство в Северной Германии) в Москву, запрещалось привозить и держать у себя католических священников и учителей латинской веры. Иезуитов и католических священников, приезжавших тайно, как сообщал саксонскому правительству пастор Грегори, хватили, ссылали в Сибирь или казнили.

Гонения на просвещение и науку

Нетерпимость к просвещению и науке проявлялась духовными властями и в XVII в. При царе Фёдоре Алексеевиче хотели сжечь голландского фельдшера Квиринаса по обвинению в волшебстве. Боярина Артамона Сергеевича Матвеева за его пристрастие к книгам в 1676 г. обвинили в чародействе и сослали в Пустозерский монастырь. При организации в 1687 г. «рассадника просвещения» — Славяно-греко-латинской академии на неё возложили обязанность наблюдать, чтобы иностранцы не производили «противностей» православной церкви. Инквизиторы академии должны были сжигать еретические, гадательные и «богохульные» книги, а лиц, виновных в их распространении, доставлять для наказания в «градский» суд.

XVIII

Введение

Православная церковь посылала на костры еретиков и ослушников собственной властью, светская же власть была лишь исполнительницей её требований и приговоров. Один из основателей православной инквизиции Иосиф Волоцкий провозгласил, что царь, не желавший бороться против ересей, не слуга божий, а дьявол.

Свою инквизиторскую деятельность православная церковь осуществляла через судебные органы, находившиеся в распоряжении епархиальных архиереев, через патриарший суд и церковные соборы. Она располагала и специальными органами, созданными для расследования дел против религии и церкви — Приказом духовных дел, Приказом инквизиторских дел, Раскольнической и Новокрещенской конторами и др. В духовном приказе рассматривались дела о богохульстве, еретичестве, волшебстве, святотатстве. Дела против веры и церкви вело также организованное при Синоде в 1721 г. тиунское управление. Приказ духовных дел наблюдал за «чистотой» православия, расправлялся с раскольниками и еретиками. Приказ инквизиторских дел вёл следствие по делам «интересным» и «безгласным». Он имел большой штат инквизиторов как в Москве, так и на местах; возглавлял его протоинквизитор, архимандрит московского Данилова монастыря Пафнутий. В распоряжении Приказа инквизиторских дел были свои подьячие, своя охрана и собственная тюрьма. Настоящим инквизиторским застенком являлась и Раскольническая контора, существовавшая до 1764 г. С организацией духовных консисторий (1744 г.) дела о религиозных преступлениях перешли в их ведение...

24 октября 1714 г. в патриаршей крестовой палате собрались архиереи, архимандриты и попы для соборного суда над Тверитиновым и его учениками. Собор перечислил их «богомерзкие и богохульные ереси», трижды пропел им анафему, а затем передал обвиняемых светскому суду. Заклиная «страшным судом Божиим», собор требовал от светской власти «сии богоненавистные еретические плевелы конечно истребить не только духовным судом, но и судом гражданским». 30 декабря 1714 г. Фому Иванова подвергли жестокой казни. В Москве, на Красной площади, построили сруб, куда поместили Иванова, и зажгли его. Перед казнью был зачтён приговор. Иванова осудили за то, что он возложил хулу на иконы и мощи угодников, на причастие, был противником церкви, врагом и богоотступником. Сперва сожгли его руку с косарём, которым он разрубил икону, затем в срубе сожгли его самого...

Прошло несколько лет, и в 1722 г. вновь запылал в Москве костёр. Отставной капитан Василий Левин произносил против церкви «злые и возмутительные слова» и не признавал икон. Подобно Талицкому, он говорил, что Пётр — антихрист, и призывал народ не повиноваться ему. Левина подвергли пыткам — подняли на дыбу и дали одиннадцать ударов. Как богохульника и противника власти Левина казнили в Москве, на Болоте: ему отсекали голову, а затем сожгли туловище. Голова Левина была отправлена в Пензу, туда, где он проповедовал свои взгляды. Здесь её выставили для всеобщего обозрения, на страх другим. Вместе с Левиным казнили ещё четырёх его сторонников...

По поручению Синода петербургский митрополит Гавриил представил в Уложенную комиссию 1767 г. свои соображения о том, как бороться с церковными противниками. Гавриил предложил виновных смирять прежде всего публично — одевать в позорную одежду и выставять как преступников на всеобщее осмеяние. Затем им следовало дать 30 ударов струнными «кошками» о двенадцати хвостах, выжечь калёным железом клеймо — буквы ЗБХ (злбный богохульник) и сослать навечно в каторгу, где использовать на самых тяжёлых работах «вместо скотов». Жестокость этого наказания Митрополит Гавриил объяснил тем, что отступление от православной церкви, безверие и богоотступничество являются заразой для государства. Предложения митрополита - изувера, одобренные предварительно Синодом, нашли широкое применение. Ещё в 1785 г. в местечке Крупца на Волыни крестьянина Генриха Немирича обвиняли в том, что он «безбожный оскорбитель тела и крови Христовой». По настоянию церковников его предали суду, и суд вынес решение: «Отдать его под меч палача... предать тело четвертованию, а перед тем живцом вырвать язык... и драть пасы (полосы) из тела, затем все тело порубить на мелкие куски и раскидать по дорогам в пищу диким зверям». Этот зверский приговор был одобрен и представителями церкви.

Ведовские процессы

В 1714 г. в городе Лубны (Украина) собирались сжечь за чародейство одну женщину. Об этом узнал В. Н. Татищев, находившийся в этом городе проездом из Германии, автор «Истории российской». Он критиковал реакционную роль церкви и стремился освободить «вольные науки» от религиозной опеки. Поговорив с обвиняемой, Татищев убедился в её невинности и добился отмены приговора. Женщину все же отправили на «смирение» в монастырь...

Обвинения в чародействе обычно начинались по инициативе духовных властей и разбирались предварительно в церковном суде. Затем следственные материалы передавались светскому суду, который и приговаривал обвиняемых к тяжким наказаниям. Так, в 1721 г. в Новгороде был сожжён дьячок Ефимов за то, что он якобы чинил в народе смуту и вместо славы нанёс хулу имени божьему. В 1720 г.

на Волыни в чародействе обвинили крестьянку Проську Каплунку. Её посадили в яму, засыпали землёй до плеч, сверху набросали хворосту и сожгли. Место казни после сожжения привалили большим камнем.

Активную роль служителей культа в организации и ведении ведовских процессов отмечает и царский указ 25 мая 1731 г. По этому указу епархиальные архиереи должны были наблюдать, чтобы борьба с чародейством велась без всякого снисхождения. Указ напоминал, что за волшебство назначается смертная казнь сожжением. Сожжению подвергали и тех, кто, не «боясь гнева божьего», прибегал к колдунам и «знахарям» за помощью. Перед сожжением их ещё били кнутом...

В 1737 г. 12-летнюю дворовую Ирину Иванову заподозрили в сношениях с дьяволом. Её обвинили в том, что в «её утробе было дьявольское наваждение, говорившее человеческим языком». Несчастную девочку заключили в Томский монастырь, били кнутом, и, вырезав ноздри, сослали в далёкий охотский острог под постоянный надзор местного духовенства.

В Рождественском монастыре на Енисее томились в суровом заключении люди, обвинённые в сношениях с нечистой силой. Около монастырской тюрьмы был особый двор для казней. На этом дворе за связь с дьяволом сожгли несколько человек. В темной «каюте» якутского монастыря сидел на цепи Максим Малыгин за «тайное и богомерзкое общение с нечистой силой». Монастырские тюремщики лишили заключённого воды, так как считали, что он, водясь с дьяволом, может легко уйти в воду, несмотря на цепи и строгую охрану.

Инквизиционные методы борьбы с расколом

Филофей Лещинский, назначенный в 1702 г. сибирским митрополитом, рекомендовал Петру I истреблять церковных раскольников, а дома их разрушать до основания. Ближайший помощник Петра, нижегородский епископ Питирим в 1706г. подробно разработал программу по борьбе с антицерковным движением. Называя «церковных мятежников» государственными преступниками, которые «благодичию государственному не радуются», «на церковь вси злобою согласны», Питирим предлагал хватать их, наказывать смертью, а деревни уничтожать.

Пётр I одобрил предложенные Питиримом меры борьбы с антицерковным движением...

[Нижегородский епископ] Питирим составил в 1718 г. особое руководство по борьбе с расколом, назвав его «Духовной пращицей». Этой книгой в течение многих лет пользовались представители церкви как незаменимым пособием для борьбы с еретиками и прочими врагами господствующей церкви... Питирим не ограничился только теоретическим обоснованием необходимости физического

уничтожения врагов церкви. Будучи нижегородским епископом, он организовал крестовый поход против раскольников, добиваясь насилиями и угрозами массового возвращения их в православие. В Нижегородском крае, где особенно чувствовался феодально-крепостнический гнёт, отступников от официальной церкви было очень много — в 1718–1724 гг. их насчитывалось 122 тысячи. Питирим лично вёл допросы раскольников с пристрастием, пытал их в архиерейской тюрьме, подвергал «градскому» наказанию с вырезыванием ноздрей. Таким образом, как хвалился Питирим, в православие было обращено свыше 68 тысяч человек. Спасаясь от гонений этого инквизитора, 12701 человек бежали, 1585 — не выдержали пыток и истязаний и умерли, 598 были сосланы и отправлены на каторгу. По инициативе Питирима раскольничьи поселения, скиты и монастыри разорялись. Даже за рубежом раскольники не чувствовали себя в безопасности от свирепого инквизитора. В 1715 г. по его настоянию был разорён раскольнический центр Ветка, куда бежали из России раскольники, беглые «сходцы», спасаясь от преследований и в поисках работы...

Инквизиторской жестокостью по отношению к противникам государственной церкви проникнут и «Духовный регламент», составленный архиепископом Феофаном Прокоповичем и утверждённый Петром в 1720 г. Людей, порвавших с официальной церковью, Духовный регламент называет «лютыми неприятелями, государству и государю непрестанно зломыслящими». Для борьбы с раскольниками регламент также предписывал наказывать их смертью и разорением их жилищ. Он мобилизовал для этого не только служителей культа, но и все население, обязывая всех доносить на раскольников церкви. За доносы «доводчикам» было обещано вознаграждение...

Феофан создал также особый институт духовных инквизиторов, которые должны были «с прилежнотщательным радением» следить за деятельностью епархиальных архиереев по борьбе с расколом. Первым протоинквизитором был назначен игумен московского Данилова монастыря Пафнутий. С 1721 г. дела об антицерковных выступлениях велись непосредственно и во вновь организованном Синоде — высшем органе по управлению делами православной церкви. Если требовался допрос «с пристрастием», то обвиняемых посылали в Сыскной приказ. На основании утверждённых в 1722 г. «Докладных пунктов Синода» Сыскной приказ обязан был оказывать Синоду помощь в его борьбе с церковными противниками. Так, Синод отправил в 1743 г. в Сыскной приказ крестьянина села Покровского Полуекта Никитина, обвинив его в том, что он-де «злейший враг церкви и благочестия противник». Несмотря на преклонный возраст Никитина (ему было 70 лет), его подвергли пыткам — подняли на дыбу и били кнутом. Никитин умер под пытками, не раскаявшись в том, в чем обвиняли его духовные власти. Таким же пыткам подвергли крестьянина Павла Сахарова, который во время насильственного причастия выплюнул «святые дары». Его отослали в «крепких

кандалах» в московский Высокопетровский монастырь, дважды пытали, а затем за «богохульство и противность» приговорили к сожжению.

Раскольников, бежавших в Сибирь, ловили и отправляли на вечную каторгу в Рогервик (порт на берегу Балтийского моря), раскольничьи поселения, монастыри и скиты громили, «дабы и след того места не знаем был». Мощи, чтимые раскольниками, и могильные памятники раскольнических учителей истреблялись...

В синодальной канцелярии содержали раскольников в таких условиях, что многие из них не выдерживали тяжести заключения, болели и умирали. Чтобы разгрузить свою тюрьму, Синод в январе 1732 г. велел 173 заключённых синодальной канцелярии разослать по монастырям для содержания «в цепях и железах и в трудах монастырских неисходно»...

При Синоде была организована в 1723 г. особая розыскная раскольническая канцелярия, во главе которой стояли инквизиторы — тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский и иеромонах Афанасий Кондоиди. По данным Синода, из 190 тысяч записавшихся в раскол с 1716 по 1737 г. обращено в православие, бежало, сослано на каторгу и умерло в результате гонений 111 тысяч..

По инициативе духовных властей проводились также массовые процессы против участников антицерковных движений. Таково было, например, дело «о богопротивных сборищах и действиях», возникшее в 1733 г. и законченное лишь в 1739 г. Сторонники этого движения искали средства для избавления от гнёта и улучшения своего существования в мистическом движении.

По этому делу привлекли в качестве обвиняемых 303 человека... Послушная следственная комиссия, где главенствовали церковные иерархи, осудила пятерых на смерть, 11 человек были наказаны кнутом, им вырвали языки и сослали на каторжную работу; 225 «виновных» били кнутом и сослали на каторгу; более 60 человек после наказания плетьюми заточили в монастырь.

В 1745 г. возникло новое дело, по которому было привлечено 446 обвиняемых. Следствие продолжалось 12 лет и закончилось лишь в 1757 г... И на этот раз в следственной комиссии активную роль играли Синод и его представители: ректор Славяно-греко-латинской академии архимандрит Порфирий Крапский, священник московского Архангельского собора Иван Иванов, протопоп Петропавловского собора Михаил Слонимский и ключарь Василий Баранович. Следствие велось в московском Спасо-Андрониевом монастыре, где размещена была следственная комиссия, а заключённых держали в особом здании, вблизи монастыря... Члены комиссии — представители Синода — добились суровой кары: пятерых приговорили к публичному сожжению, — к другим видам смертной казни, остальных — к наказанию кнутом и плетьюми, ссылке в каторжные работы и отдаче в солдаты...

В 1721 г. по случаю окончания Северной войны и заключения мира со Швецией была объявлена амнистия по всем преступлениям, но по настоянию Синода осуждённых за выступления против церкви не амнистировали...

Самосожжение, особенно в начале его распространения, не было догматом какой-нибудь секты, в нем проявлялось крайнее отчаяние людей, затравленных беспощадным преследованием со стороны правительства и церкви.

Одно из первых массовых самосожжений раскольников произошло в 1676 г. в Пошехоновской волости Белосельского уезда. Здесь сожглись «очарованные волшебством от раскольнических учителей» 1920 человек. В 1679 г. на реке Березовке в Тобольском крае по инициативе раскольнического чернеца Иванища и попа Домициана сожглось около 1700 раскольников. Жалуясь на притеснение духовных властей и приказных людей, крестьяне писали, что священники держат их без одежды на морозе и что если их не избавят от разорения, то они готовы «в огне сгореть»... О массовом самосожжении раскольников под влиянием гонений свидетельствует сводный старообрядческий «синодик»; только за 1667–1700 гг. этой мучительной казни предали себя 8834 человека..

В результате жестокой расправы духовного ведомства с раскольниками в течение XVIII в. было сожжено 1733 человека, а всего самосожжению подвергло себя 10567 человек. Многие крестьяне-раскольники бросали свои дома и бежали в глухие места, куда не доходили ещё церковные заказчики, а также за границу — в Польшу и Литву.

Монастырские тюрьмы

Во многих монастырях узников помещали в особые каменные мешки. Например, в Прилуцком монастыре Вологодской губернии каменные мешки представляли собой узкие каменные шкафы, возведённые в несколько этажей внутри монастырских башен. Каменные мешки были изолированы друг от друга, их окна и двери заделывались кирпичом, оставлялось лишь небольшое отверстие для передачи узнику пищи и воды. Каменные мешки имел также Спасо-Каменный монастырь Вологодской губернии, основанный в 1260 г. Тюрьмой здесь служили монастырские башни. Из этих тайников узники редко выходили на волю. Сибирский селенгинский Троицкий монастырь также был известен бесчеловечными условиями содержания узников. В одиночных казематах - «каютах», в «заклёпанных железах» несчастные жертвы инквизиции часто сходили с ума. Ещё в 1770 г. в такой «каюте» селенгинского монастыря был обнаружен подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев, просидевший в ней в кандалах 25 лет и сошедший с ума.

Каменные каюты были также в Николаевско-Корельском, якутском и других монастырях. В XVII в. в якутский монастырь сослали Максима Малыгина по обвинению в «тайном богомерзком общении с нечистой силой». Его посадили навечно в тёмную каюту на цепь. Тюремщики не давали ему воды, так как боялись, что он, будучи чародеем, уйдёт через воду из тюрьмы. В каменном мешке макарьевского Унженского монастыря Костромской губернии был заточен в 1757 г. основатель религиозной секты Тихон Смурьгин. По предписанию Синода его заковали и вели «наикрепчайшее смотрение о неимении им прежнего злого действия».

Широко известны были тюрьмы Соловецкого монастыря, основанного в первой половине XV в. Каменные мешки в монастырских башнях и стенах этого монастыря имели форму усечённого конуса длиной около трёх метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце — один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря каменные мешки были ещё теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», т.е. на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели. Помещая свои жертвы в эти страшные тюрьмы, синодальные инквизиторы обычно писали: «Посадить его (т.е. заключённого) в Головленковскую тюрьму вечно и пребывать ему в некоей келии молчательной во все дни живота и никого к нему не допускать, ниже его не выпускать никуда же, но точно затворену и зоточену быть, в молчании каяться о прелести живота своего и питаему быть хлебом слезным». В таких нечеловеческих условиях узники пребывали в течение многих лет, пока смерть не приносила им избавления.

В башне Соловецкого монастыря, носившей название Корожня, тюремные кельи были устроены на каждом этаже. Это были маленькие и тёмные каморки с небольшими отверстиями вместо двери, через которые узник с трудом мог пролезть внутрь. Ещё в XIX в. местные жители рассказывали о суровом режиме в этой тюрьме — заключённых морили дымом, замуровывали, пытали (для пыток служил нижний этаж башни). Тюрьма Соловецкого монастыря постоянно расширялась. В 1798 г. под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 г. и этого оказалось мало: для узников построили специальное трёхэтажное здание и особые казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников.

Среди монастырских тюрем первое место, особенно в XIX в., занимала тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, основанном около 1350 г. Эта тюрьма существовала с 1766 г. и с ростом антицерковного движения все время расширялась. В 1824 г. под тюрьму было переделано старое помещение духовной

семинарии, находившееся за крепкими монастырскими стенами. В 1889 г. к тюрьме был присоединён каменный флигель на 22 одиночные камеры.

Тюремные помещения были и в других монастырях — Антониево-Сийском на Северной Двине, Новгород-Северском, Кирилло-Белозерском и др.

Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 г., известен как место ссылки и заключения опальных бояр и церковников. Здесь побывали в XVI–XVII вв. князья Воротынские, Шереметьевы, Черкасские, советник Ивана IV Сильвестр, князь Шуйский, митрополит Иосиф, патриарх Никон...

Отдалённость многих монастырей от населённых пунктов, высокие монастырские стены (например, в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре стены были высотой свыше 27 метров, а толщиной 2 метра) и надёжная охрана делали невозможным побег из монастырских тюрем, и узники проводили в них часто всю жизнь «до скончания живота»...

У ростовского архиерея Георгия Дашкова были немалые «заслуги» перед самодержавием — он принимал активное участие в подавлении астраханского стрелецкого восстания 1706 г. Но Дашков выступал против ограничения имущественных прав церкви, пытался восстановить патриаршество, возмущался всецельным Феофаном Прокоповичем, осуждая его жестокость. «Сколько людей погубил Феофан совершенно напрасно, — писал он, — измучил, сжёг медленным огнём, подверг пыткам и заточениям без всякого сострадания и сожаления». В 1734 г. Георгия Дашкова обвинили в выступлении против правительства, во взяточничестве и разорении епархии. Его лишили сана и сослали «под крепкое смотрение» в вологодский Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, но и здесь Дашков не перестал осуждать правительство за ограничение им церковных привилегий. За «непокойствие и подозрение» его отправили за 7000 километров в Нерчинский монастырь для содержания в одиночном заключении «до смерти, неисходно».

В монастырских тюрьмах узники часто были закованы в ручные и ножные кандалы, прикованы к стене или к деревянной громадной колоде, подвергались «смирению по монастырскому обычаю». «Смирение» выражалось в том, что узников сажали на цепь, наказывали батогами или плетью, изнуряли тяжкими монастырскими работами. Для усиления наказания на узников часто надевали «рогатки» — железный обруч вокруг головы, закрывавшийся под подбородком на замок при помощи двух цепей. К обручу приделывались перпендикулярно несколько длинных железных щитов. Рогатка не позволяла узнику лечь, и он вынужден был спать сидя. Такой режим применялся к узникам, считавшимся особо опасными для самодержавия и церкви.

Инквизиционное хозяйство монастырей было самое разнообразное: оковы большие и малые, ручные и ножные, рогатки, кнут, ремённые плети, шелепы (расширившиеся на конце лопатообразные дубинки), батоги. Все это приобреталось на церковные деньги и хранилось в консисторских и монастырских тюрьмах. Цепи были неотъемлемой принадлежностью всех судебных дел, которые вели духовные власти. Выражения « посадить на большую цепь », « содержать в цепи » встречаются во многих памятниках. Узников подвергали наказанию на особом лобном месте, существовавшем во многих монастырях. Характер наказания зависел от усмотрения архимандрита. Виды монастырского « смирения » перечислены в одной сатирической челобитной XVII в., имевшей широкое хождение в рукописных списках. « А в Калязине обитель не малая, — читаем в челобитной, — казна большая, после мору старых лет в запасе осталось, в хлебне по подлавичью стулья да чеппи валяются, в мукосейке по спицам шелепы да плети висят, в караульне по подлавичью снопы батогов лежат, а у нас, богомольцев твоих, от того страху они не видят, а у малодушных за плечами кожа вертится, от того и ночью не спится »...

В 1728 г. в один монастырь был послан иностранец Яков Иванов, принявший незадолго до того православие. Он обвинялся в том, что произносил « сумасбродные слова ». Чтобы лишить его этой возможности, ему всунули в рот кляп. Такой режим предписывался и специальными инструкциями Синода: « ... а если оный колодник станет произносить важные и непристойные слова, то класть ему в рот кляп и вынимать, когда пища будет дана, а что произнесёт в то время, то все записывать и, держа секретно, писать о том в Тайную канцелярию ». Пищей для большинства заключённых были хлеб и вода, некоторым давался скудный тюремный паек. Среди узников были, впрочем, и привилегированные заключённые « благородного звания », которые получали пищу от своих родственников.

Рассматривая своих узников как арестантов, монастырские тюремщики хотели придать им и внешний арестантский вид...

В монастырских застенках « для познания истины » заключённых нередко пытали. Епископ Георгий Конисский так описывает практиковавшиеся в конце XVII в. казни и пытки: « Казни сии были — колесовать, четвертовать и на кол сажать, а самая легчайшая — вешать и головы рубить. Вины их изыскивались от признания их самих, к тому надёжным средством служило препохвальное тогда таинство — пытки, которой догмат и поныне известен из сей пословицы русской — кнут не ангел, души не вынет, а правду скажет, и которая производилась со всей аккуратностью и по указанию Соборного уложения, сиречь степенями и по порядку, батошьём, кнутом и шиною, т.е. разожжённым железом, водимым с тихостью или медлительностью по телам человеческим, которые от того кипели,

шкварились и вздымались. Прошедший одно испытание поступал во 2-ое, а кто не выйдет живым, тот считался за верное виновным и ведён на казнь».

Насаждение православия

В 1735г. в районе Екатеринбурга на Урале вспыхнуло восстание башкир, вызванное социальным гнетом и насильственным крещением. После разгрома восстания многие участники были казнены, многие сосланы в каторжные работы, башкирские деревни были разорены до основания. Расправляясь так жестоко с восставшими, правительство и церковь обещали пощадить жизнь тем из них, кто примет православие. Многие восставшие шли на это, хотя продолжали относиться враждебно к православию и его служителям. Среди крестившихся поневоле был и башкир Тойгильда Жуляков, вскоре перешедший вновь в мусульманство. Тойгильду обвинили в том, что он, приняв мусульманство, «богу, закону его... учинил великое противление и ругательство». Его привезли в Екатеринбург, и здесь, на площади, по распоряжению главного командира уральских, сибирских и казанских заводов В.Н. Татищева, на страх другим в присутствии всех новокрещен сожгли. Детей Тойгильды наказали розгами и раздали в русские семьи.

В июне 1740 г. за переход в мусульманство сожгли известного рудознатца казака Исаева. Перед смертью он заявил, что знает, где находится серебряная руда. Это ему не помогло: в назидание другим Исаев был сожжён.

В башкирских восстаниях 1745 и 1755 гг. против феодально-крепостнического гнёта, осложнённого ещё национальными притеснениями, также наблюдался протест против насильственной христианизации. В воззваниях предводителя восстания 1755 г. Батырши указывалось на невыносимое положение мусульман, на тяжёлые условия работы на заводах. Батырша призывал насильственно крещённых башкир выступать заодно с «истинными мусульманами».

Отлучение и анафема

Анафема применялась также для защиты установленного при Петре I порядка престолонаследия и для утверждения якобы божественного происхождения царской власти. Тех, кто выступал против самодержавия, помимо сурового наказания подвергали ещё царскому проклятию. В 1718 г. майор Степан Глебов выступил против Петра I и его реформ и распространял против Петра и церкви «подмётные письма». Глебова пытали горячими угольями и раскалённым железом, били кнутом, а затем посадили на кол на Красной площади. Глебов умер в страшных мучениях лишь через два дня; уже после смерти ему отрубили голову. Через три года Пётр вновь вспомнил о своём враге. По его приказанию Синод

предал Глебова проклятию, «яко лютейшего благочестия преступника и презирателя и богоненавистника».

Анафема участникам революционных движений, направленных против царизма, сохранилась в «Чине православия» вплоть до Октябрьской революции. Читалась эта анафема так: «Помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о них божьему благоволению... а также дерзающим против них на бунт и измену - анафема!» Защищая царскую власть и предавая церковным проклятиям участников революционных движений, церковь стремилась отвлечь массы от классовой борьбы и освятить кровавый режим Романовых сказками о якобы божественном происхождении монархии.

Анафема применялась православной церковью как средство борьбы с передовой общественной мыслью, с прогрессивным демократическим движением, с материалистической наукой, с атеизмом.

Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы

Лишь в 1735 г. правительство и церковь были вынуждены разрешить католикам свободное отправление церковных служб. Однако проповедь католической религии и обращение православных в католичество по-прежнему запрещались под угрозой жестоких наказаний. Помещики-дворяне, переходившие в католичество, особенно в первой половине XIX в., лишались своих имений. Это не мешало, впрочем, Екатерине II и Павлу I использовать католиков-иезуитов как реакционную силу, которая помогла царизму держать массы в узде и бороться с вольнодумными идеями.

В свою очередь, католическая церковь насильственно обращала в католичество крестьян, особенно в западных и юго-западных областях, уверяя, что переход в католичество производится «добровольно». А в Астрахани образовалась даже армяно-католическая уния и существовала римско-астраханская проповедническая миссия, развившая в 50-х годах XVIII в. значительную деятельность. По настоянию Синода миссия была закрыта, католики - миссионеры высланы...

В 1731 г. в Россию прибыл по вызову правительства врач Саншес, имевший мировую славу. Он жил в России немало лет, был придворным врачом и членом Академии наук. Но ему не могли простить еврейского происхождения. В 1749 г. он был исключён из Академии, а затем изгнан из России. Как сказано в постановлении об его высылке, императрица хотела, чтобы члены ея Академии были добрые христиане, а не люди, которые «сражались под моисеевым законом».

Пропаганда иудейской религии, а тем более переход в неё, рассматривались как тяжкое преступление и сурово наказывались. В 1737 г. в Синод прислали донос о проступке против религии и церкви отставного капитана морского флота и крупного помещика Московской губернии Возницына. Доносчиком была его жена, мстившая мужу за то, что он бросил её. Преступление Возницына состояло в том, что он, будучи за границей, оставил православие и принял иудейство. По предписанию Синода Возницына арестовали и поместили в тюрьму Московской синодальной конторы, где держали в кандалах под строгим караулом, отдельно от других заключённых. Следствие велось инквизиторскими методами архимандритом Богоявленского монастыря Герасимом и коломенским епископом Вениамином. Под пытками Возницын сознался, что перешёл в иудейство при участии крупного смоленского купца Боруха Лейбова. По распоряжению императрицы Анны Возницын и Лейбов за их «богопротивные вины» 3 июля 1738 г. были сожжены, манифест об их «винах» был составлен Синодом. В награду за донос жена Возницына, кроме своей части наследства, получила ещё 100 душ крепостных крестьян¹⁶. Инквизиционный акт, совершенный над Возницыным, осуждён был Кантемиром в сатире, написанной в год сожжения Возницына

Гонения на просвещение и науку

В XVIII в., укрепляя власть помещиков-крепостников, правительство прикрывалось модным в то время лозунгом «просвещения». Но к просвещению правительство и духовное ведомство продолжали относиться с крайней враждебностью, подвергая гонениям прогрессивных мыслителей и учёных. Уже в начале XVIII в. авторов и распространителей сочинений против церкви предлагалось допросить с «очисткой» и прислать в Синод с расспросными речами. Даже Академия наук не была свободна от бдительного контроля представителей церкви. Они проверяли её издания, выискивая в них места «сумнительные и противные христианским законам, правительству и добронравию». По их настоянию в 1743 г. был изъят изданный Академией наук астрономический календарь, в котором духовные цензоры умудрились найти сведения о планетах, «к соблазну народному склонные». Они возражали также против предпринятого Академией наук издания русских летописей — этого ценнейшего источника для изучения русской истории. По отзывам духовных цензоров, в летописях содержится «много лжи явственные»...

В 1756 г. Московский университет хотел издать философскую поэму выдающегося английского писателя Александра Попа (1688–1744) «Опыт о человеке». В этой книге автор выступал против средневековых научных взглядов о строении вселенной. Естественно, это вызвало резкие нападки духовных цензоров, которые нашли в книге «зловредные идеи Коперника о множестве миров, противные Священному писанию», и книга была запрещена...

Ненависть духовного ведомства вызвала деятельность выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова, сумевшего за короткий срок издать много книг по всем отраслям знания. В книгах резко критиковались религиозный фанатизм и суеверия. По доносу Петра Алексеева, протоиерея московского Архангельского собора, Новикова арестовали, а изданные им книги конфисковали. За оппозиционное отношение к самодержавию, за активную просветительскую деятельность и критику религии и церкви Новикова как опасного государственного преступника заключили в Шлиссельбургскую крепость, откуда он вышел только через 15 лет, после смерти ненавидевшей его Екатерины.

Не избежал цепких лап духовных инквизиторов и другой выдающийся русский писатель, А.Н. Радищев, автор знаменитого «Путешествия из Санкт-Петербурга в Москву». Радищев был материалистом, он считал, что материя и природа существуют вечно, что их нельзя ни уничтожить, ни создать. Радищев отстаивал единство души и тела и критиковал религиозные взгляды на бессмертие души, осуждал царский деспотизм, религиозные суеверия. Воззрения Радищева были найдены «противными закону божьему, десяти заповедям, Священному писанию, православию и гражданскому закону». Книгу Радищева, уничтожили, а его как «бунтовщика хуже Пугачёва» приговорили к смертной казни, которая была заменена 10-летней каторгой. Прошло более ста лет, и вновь эта книга писателя-материалиста подверглась осуждению со стороны церкви. В 1903 г. духовные цензоры нашли, что книга Радищева все ещё опасна для религии и церкви, что она подрывает авторитет светской и духовной власти. По требованию церковников весь тираж книги уничтожили.

XIX

Инквизиционные методы борьбы с расколом

Раскольники и сектанты считались неполноценными гражданами. Им запрещалось в некоторых губерниях владеть землёй, не разрешалось открывать школы и учить детей грамоте, они не принимались на государственную службу, им ставились ограничения при прохождении военной службы, у них отбирали детей и, под предлогом воспитания в православной вере, ссылали в монастыри. Упорствующих преследовали в административном порядке, отправляли в ссылку. Браки раскольников, рождения и смерть долгое время не регистрировались. Одной из мер борьбы с расколом было уничтожение раскольнических молитвенных домов и монастырей. Так, в 1835 г. в иргизский Средненикольский монастырь прибыл архимандрит православного монастыря с воинским отрядом и разгромил его. Раскольники пытались оказать сопротивление, но оно было подавлено, многие участники его преданы военному суду.

Разгрому подверглись и старообрядческие церкви. За 1842–1852 гг. было уничтожено и закрыто 494 молитвенных дома, в 1856 г. были запечатаны алтари старообрядческого центра — московского Рогожского кладбища (они были распечатаны только в 1905 г., т.е. через 50 лет).

Раскольников обвиняли в том, что, не признавая официальной церкви, они выступают против царской власти и являются носителями революционных идей. Московский митрополит Филарет подозревал раскольников в желании отделиться от государства. Охрану православной церкви он считал «коренным правилом» православного государства, в раскольниках же и сектантах видел врагов не только церкви, но и государства.

Такое же отношение к раскольникам (старообрядцам) проявлялось и после подавления первой русской революции. Представители церкви усматривали в общинах старообрядцев социально-политический характер и пропаганду социал-демократических идей.

Монастырские тюрьмы

В монастырских тюрьмах режим был более суровый, чем в каторжных. Роль тюремщиков выполняли сами монахи, они же наблюдали за приставленными сторожами, а комендантом монастырской тюрьмы был архимандрит, обладавший неограниченной властью. Главным тюремщиком Спасо-Евфимиева монастыря был известный архимандрит Серафим Чичагов, в прошлом полковник царской армии.

За организованный им жестокий тюремный режим его обласкал царь и назначил орловским архиепископом. Режим в Соловецкой тюрьме был также настолько суров, что в 1835 г. правительство назначило специальную ревизию этой тюрьмы, так как в обществе много говорили о бесчеловечных условиях содержания в ней узников. Проводивший ревизию жандармский полковник Озерецковский был вынужден признать, что узники Соловецкой тюрьмы несли наказание, значительно превышавшее их вины. В результате ревизии некоторые узники были освобождены, других из монастырской тюрьмы перевели в обычные кельи. Облегчение режима продолжалось, однако, недолго. Камеры Соловецкой тюрьмы вскоре вновь заполнились узниками.

В монастырскую тюрьму попадали и такие лица, как новгородский архиепископ и первый вице-президент Синода Феодосий Яновский — соперник и враг всесильного архиепископа Феофана Прокоповича. Феодосий Яновский боролся против ограничения церковной власти и подчинения её государству, против попыток отобрать у церкви её имения. Он говорил, что введение монастырских штатов 1701 г. является порабощением духовных пастырей..

Ссылка и заключение в монастырские тюрьмы за свободомыслие и неподчинение господствующей церкви особенно часто применялись в XIX в. Так, в Соловецком монастыре в 1826 г. из 30 узников за «вины» против церкви страдали 29 человек, в 1836 г. — 36 (из 45), а в 1855 — 18 (из 19). Среди заключённых немало было и борцов против самодержавия, участников революционного движения.

В 1825 г. учителя Новоторжского училища Василия Воскресенского обвинили в богохульстве. Его подвергли жестокому наказанию кнутом, а затем заключили «навечно» в Соловецкую тюрьму. В 1851 г. сюда же сослали придворного певчего Александра Орловского — его обвинили в атеизме, в 1853 г. — вахтера Ивана Буренкова — «величайшего богоотступника»...

И в XIX в. в монастырские тюрьмы попадали участники антиправительственных и революционных движений. В Соловецкую тюрьму из Красноярска был переведён декабрист Ф. П. Шаховской, после того как он заболел там психическим расстройством. Сюда же были посажены участники тайного общества, студенты московского университета Николай Попов и Михаил Критский, сочувствовавшие декабристам. В 1850 г. здесь оказался студент Георгий Андрузкий «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения».

В монастырские тюрьмы попадали также крестьяне, боровшиеся против крепостного гнёта и пытавшиеся облегчить своё положение. Так, в 1837 г. в Рыльский монастырь заключили крепостного крестьянина Ефима Никитина за «сумасбродные вымыслы о преобразовании государственного управления». Несмотря на тяжкие условия заключения, он не пал духом, даже изобрёл какую-то

машину. Его освободили только в 1850 г. В Соловецкой тюрьме в 1864 г. находился студент Казанской духовной академии Яхонтов. Он принимал участие в организации панихиды по крестьянине Антоне Павлове, казнённом после зверского подавления крестьянского восстания в местечке Бездна Пензенской губернии, когда было убито и умерло от ран более 90 человек...

На какой же срок помещали узников в монастырские тюрьмы? Часто этот срок не уточнялся. В приговорах и указах встречается обычно выражение «безысходно, навсегда», т.е. узники приговаривались к пожизненному заключению. Фактическое заключение можно подсчитать по сохранившимся спискам узников. Например, за период с 1772 по 1835 г. в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре перебивало 102 человека. К моменту составления сведений (1835 г.) умерло 29 человек, до 5 лет просидело 46 человек, от 5 до 25 лет — 32 человека. Крестьянин Калужской губернии Степан Сергеев находился в монастырской тюрьме 25 лет, а крестьянин Вятской губернии Семён Шубин — 43 года. Вина этих узников заключалась в том, что они отступили от православия и перешли в раскол и сектантство...

Соловецкая тюрьма существовала до 1883 г., когда из неё были выведены последние узники, но караульные солдаты содержались в ней до 1886 г. После официального закрытия Соловецкий монастырь продолжал служить местом ссылки для провинившихся служителей церкви. Тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре существовала до 1905 г., ещё в 1902 г. в ней насчитывалось 12 узников. В 1905 г. в ней томился крестьянин Пётр Леонтьев, заключённый в эту тюрьму в 1871 г. по обвинению в том, что он распространял среди крестьян «лжеучение», направленное против верховной власти и духовенства. Несчастный пробыл в монастырской тюрьме 34 года, и об этой трагической судьбе спокойно рассказывается в отчёте обер-прокурора Синода.

Насаждение православия

С «просветительной» деятельностью жандармов в рясах среди нерусских народов хорошо познакомился А. И. Герцен, когда он был в ссылке в Вятской губернии. Герцен писал о чудовищном произволе и хищничестве чиновников и попов среди этих народов: «Настоящий клад для земской полиции — это вотяки, мордва, чуваша: народ жалкий, робкий, года через 2–3 исправник или становой отправляется с попом по деревням ревизовать, кто из вотяков говел, кто нет и почему нет. Их теснят, сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы».

В результате насилия за 1881–1894 гг. в православие было обращено 129 тысяч человек нерусской национальности. Об усилении насильственного крещения говорили и на миссионерских съездах. Первый съезд «темных инквизиторов», как называли миссионеров, состоялся в Казани в 1885 г. На этом съезде

присутствовали архиереи всех тех губерний, где было нерусское население. Съезд имел одну цель: разработать меры по внедрению православия, подготовить к этому жандармов в рясах.

Второй миссионерский съезд, собравшийся в Москве в 1891г., отразил агрессивную политику духовенства по отношению к нерусским народам. Ещё более воинственно было настроено духовенство на третьем миссионерском съезде (Казань, 1897г.). Этим съездом руководил помощник обер-прокурора Синода Саблер. Он назвал православие «краеугольным камнем самодержавия». На этом съезде «опричники духовенства» — миссионеры требовали усиления полицейских репрессий по отношению к тем, кто отказывался принять православие, кто пытался бороться за свободу совести. Духовные власти не могли больше сжигать на кострах и гноить в тюрьмах сторонников ислама и других религий, как это они делали раньше. Но на стороне этих опричников был административно-полицейский аппарат самодержавия, они использовали школу и печать, изгоняли национальный язык, пытались уничтожить национальную культуру...

В конце XIX и начале XX в. были организованы процессы против тех, кто не желал оставаться в рядах официальной церкви. У удмуртов вырубались их священные рощи, отбирались дети, которые затем помещались в монастыри для воспитания в православном духе; устраивались погромы, избивались те, кто хотел верить по-своему; крестьян подговаривали составлять приговоры о выселении из деревень неугодных духовенству лиц. Такая деятельность духовенства встречала сопротивление народа. Так, в 1901 г. по требованию сарапульского епископа Владимира полицией была вырублена в деревне Ерыксы священная роща. Местные крестьяне-марийцы оказали при этом сопротивление, обратили в бегство священников и полицейских. Для «усмирения» крестьян был послан полицейский отряд, в результате столкновения было ранено 25 человек, а одного крестьянина убили...

После подавления революции 1905 г. гонения на неправославные и нехристианские религии, особенно на ислам и сектанство, усилились. Духовное ведомство расширило сеть церковно-приходских школ и попечительств, воинствующая пропаганда православия велась также через церковные собрания. В помощь жандармам в рясе были привлечены реакционные и черносотенные элементы, их организации возглавлялись духовенством. Духовенство боролось также с национально - освободительным движением и с этой целью усилило деятельность миссионерских организаций. В 1910 г. совещание миссионеров, этих гонителей веры и душителей религиозной свободы, возглавил председатель совета министров Столыпин. Совещание разработало целую программу по укреплению христианства и по борьбе с мусульманством. В том же году миссионеры собрались на очередной съезд в Казани. «Темные инквизиторы» добились на этом съезде принятия суровых мер против неправославных.

Административные органы содействовали им в подавлении свободы совести и стремления к национальной самостоятельности.

В свою очередь и представители мусульманской религии проявляли нетерпимость по отношению к тем, кто исповедовал другую религию, особенно к русским. Проповедью национализма и религиозного шовинизма представители мусульманской и других нехристианских религий стремились увести эксплуатируемые массы от классовой борьбы.

Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы

В XIX в. преследования евреев не прекратились. Правительство и церковь продолжали разжигать национальную рознь и религиозную нетерпимость. Евреям запрещалось держать у себя в услужении православных, евреи были ограничены в гражданских правах, их изгоняли из деревень, обвиняя в том, что они оказывают на крестьян дурное влияние. Для евреев была установлена черта оседлости, они облагались дополнительными налогами, христианам-ремесленникам запрещалось работать на них, крестьянам — обрабатывать их земли. На военной службе евреев стремились воспитывать в православном духе, их силой обращали в православие. Еврейских детей отнимали от родителей и направляли для службы в армию, где их насильно крестили, загоняли далеко от родины и подвергали бесчеловечным истязаниям...

Еврейским юношам после окончания военной службы не разрешалось вернуться в иудейство. Так, еврейский юноша кантонист Кауфман был насильно крещён, но не переставал считать себя евреем. Когда закончилась военная служба и он вернулся к вере своих отцов, над ним учинили суд за вероотступничество. Для «вразумления» его отправили в монастырь, лишив всех гражданских прав, а над имуществом учредили опеку...

На почве антисемитской пропаганды, которую разжигали реакционные элементы и представители церкви, в начале XIX в. возникали кровавые наветы на евреев, обвинения в совершении ими ритуальных убийств. В 1823 г. в городе Велиже Витебской губернии 42 еврея были брошены в тюрьму по обвинению в убийстве нескольких христианских мальчиков с ритуальной целью. Стараясь разжечь национально-религиозную рознь, представители православной церкви подбирали «доказательства» применения евреями крови христианских детей. Минский архиепископ Анатолий первый доставил «материалы» о мифическом «отроке Гаврииле», якобы замученном евреями ещё в 1690 г., а киевский митрополит Евгений выискал соответствующие выписки из польской ритуальной литературы. С обвинениями против велижских евреев выступил также местный священник

Тарашкевич, пытавшийся доказать враждебность евреев христианству и их «тиранское злодейство». В качестве «сведущего лица» был привлечён и ксёндз Позёрский. Запечатав велижскую синагогу, следственная комиссия, исполняя волю Николая I «исследовать все до корня», признала виновными в ритуальных убийствах не только велижских евреев, томившихся в тюрьме в течение восьми лет, но и всех евреев вообще. Осудил велижских евреев и Сенат, и только Государственный совет отменил постыдный приговор, признав обвинение евреев в ритуальных убийствах несостоятельным.

Разжигание национальной и религиозной вражды к евреям было и в дальнейшем одним из средств политической борьбы правительства и церкви...

По переписи 1897 г. население России составляло 126 млн. Из них православных насчитывалось 87 млн, т.е. 70%. Остальные были: раскольники — 2 млн, католики — 11 млн, магометане — 14 млн, евреи — 5 млн. В царских законах торжественно провозглашалось, что свобода веры — достояние не только православия, ни и других религий. «Пусть все народы, в России пребывающие, — говорилось в законе, — славят бога всемогущего разными языками... благословляя царствование российских монархов и моля творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы империи». Однако только одной православной церкви было предоставлено право свободно исповедовать свою религию. Другим религиям пропаганда своего учения была запрещена, тем более запрещался переход в эти религии из православия. Как указывал Ф. Энгельс, «русское правительство... у себя в стране не терпело никакой другой религии, кроме православной, и карало вероотступничество как преступление».

Верховным защитником и хранителем догматов православной церкви и блюстителем правоверия провозглашался царь, повиноваться которому, как сказано в законах, повелевал сам бог. Православная церковь объявлялась национальной, русской церковью. От русских людей требовалось, чтобы они «любили эту церковь вместе с царём и царицей превыше всего».

Обязанность защищать православную церковь и её интересы возлагалась на все гражданское и военное начальство. Уважение к православной церкви, её обрядам, к церковному «благочинию» поддерживалось с помощью полиции. Полиция следила за тем, чтобы при выполнении церковных обрядов не нарушалось благочиние, чтобы народ чтил праздничные и воскресные дни, чтобы раскольники и сектанты не занимались пропагандой своего учения. Она же защищала священников от всяких обид и оказывала им помощь. Под надзор гражданского начальства и полиции было поставлено и соблюдение церковных обрядов, в частности исповеди. За оскорбление церковного благочиния, за неуважительное отношение к церковным обрядам, особенно за богохульство, виновные сурово наказывались, их лишали гражданских прав и ссылали в каторжные работы сроком

до 15 лет. Православный священник как представитель государственной церкви пользовался особой защитой закона: за оскорбление священника словами назначалось тюремное заключение до восьми месяцев, за избиение ссылали в отдалённые места Сибири, за причинение священнику увечья назначалась каторга от 4 до 10 лет. Если же в результате побоев священник умирал, то виновный ссылался на каторгу сроком от 12 до 15 лет.

Православной церкви предоставлялось право без всяких стеснений порицать другие религии, ей оказывала в этом содействие полиция. Выступление же против православной церкви, против её обрядов считалось кощунством...

Преследования за несоблюдение этих позорных законов носили массовый характер. Об этом говорит хотя бы количество уголовных дел по религиозным преступлениям. Например, за 1842–1846 гг. зарегистрировано 3192 дела, а за 1847–1852 гг. — 3971 дело. Более подробные данные, извлечённые из официальных источников, приводятся ниже.

	1842– 1846 гг.	1847– 1852 гг.
Привлечено к суду	12973	26306
Присуждено к наказанию плетьюми, к ссылке в Сибирь, в каторжные работы, в крепость и другие места	1020	938
Заклучено в тюрьмы на разные сроки	1992	1688
Отдано под надзор полиции	847	1931
Отдано под надзор духовенства для увещания	8520	17363
Обращено в православие	1266	1420

Из этих данных видно, что преследование за веру в 1847–1852 гг. значительно активизировалось. Наказание плетьюми, ссылка в каторжные работы, в отдалённые

места Сибири и Закавказья, тюрьмы — вот чем расплачивались народные массы, отказывавшие верить так, как требовали царское правительство и церковь.

Во второй половине XIX в. религиозные преследования усилились. За 1874–1885 гг. таких дел зарегистрировано 3615, а за 1886–1893 гг. — 7540. Среднее число привлечённых к суду в год составляло:

	1885–1889 гг.	1890–1893 гг.
За богохуление, нарушение благочиния	277	452
За отвлечение и отступление от православия, ереси и раскол	165	450
За скопчество	37	22

Каждый год в среднем судили до тысячи человек, главным образом за выступление против церкви и религии («богохуление»), за отказ от казённой церкви и переход в разные секты. Естественно, что царский суд редко оправдывал лиц, привлечённых к суду за нежелание верить и молиться так, как требовала казённая церковь. Виновных ждала каторга, ссылка в отдалённые места Сибири...

В 1868 г. среди крестьян ряда деревень Сарапульского уезда была популярной секта иконоборцев. Наряду с отказом поклоняться иконам и исполнять церковные обряды сторонники этой секты отказались платить выкупные платежи и другие повинности. Как доносил вятский епископ, они «неблагоговейно и злодейство выражались о царе». При содействии епископа секта была разгромлена, в острог попало свыше двухсот её сторонников. Духовенство разогнало также братство людей божиих, возникшее в 1868 г. Последователи этой секты требовали земельного передела и справедливого раздела земли.

Гонения на просвещение и науку

Талантливые книги французских философов-материалистов, разоблачавших реакционную сущность религии, встречены были духовным ведомством с особенной враждебностью. Уже с 80-х годов XVIII в. церковники боролись с распространением этих идей. Духовное ведомство издавало литературу, в которой подвергало критике идеи Вольтера и философов-материалистов, добивалось

конфискации и сожжения их произведений. Гонения на эти произведения не прекращались и в XIX–XX вв. Так, в 1868 г. в труде Вольтера «Философия истории» духовные цензоры нашли «глумление над истинами и опровержение священного писания». По их настоянию этот труд Вольтера был уничтожен. В 1890 г. уничтожили «Сатирические и философские диалоги» Вольтера, а в 1893 г. — его поэтические произведения, в которых были найдены «антирелигиозные тенденции»⁵.

Такая же участь постигла произведения «корифея безбожия», выдающегося представителя домарковского материализма и атеизма Дени Дидро (1713–1784). Начиная с конца XVIII в., духовные власти добивались запрещения и уничтожения не только его философских, но и художественных произведений. Ненависть духовного ведомства вызывали и атеистические трактаты Гольбаха (1723–1789). Его знаменитая книга «Система природы» считалась одной из самых страшных книг и справедливо называлась «библией материализма». Ещё в 1770 г. эту «адскую книгу» предали огню католические инквизиторы и с тех пор её неоднократно запрещали и в России. Даже в 1898 г., опасаясь «адского» действия этой книги, разрушавшей, по словам духовных цензоров, основные начала религии, духовные инквизиторы настояли на её уничтожении. Так же расправились они и с книгой английского философа-материалиста Томаса Гоббса (1588–1679) «Левиафан», которую католические инквизиторы включили в список вредных книг ещё в XVII в. и подвергли её публичному сожжению. Через 200 лет её осудили православные инквизиторы. Они признали книгу Гоббса «противной священному писанию и православной церкви» и добились её сожжения в 1874 г. За выступление против церкви и феодальной идеологии уничтожили в 1871 г. книгу «О человеке» другого выдающегося философа-материалиста XVIII в. — Гельвеция.

Во второй половине XIX в. в связи с ростом революционного движения для охраны самодержавия были приняты крайне реакционные меры. Для усиления влияния духовенства в области просвещения народа была организована широкая сеть церковно-приходских школ. Они должны были воспитывать детей в духе преданности самодержавию, православной церкви и так называемой «русской народности».

Церковно-приходская школа рассматривалась как дополнение к церкви. В её программе главное место занимали церковные предметы — закон божий, церковнославянский язык, церковное пение, богослужение. Изо дня в день детям внушали, что власть царя дана от бога, им говорили об «избранности» русского народа, проповедовали религиозную нетерпимость и национальную вражду. На уроках русского языка, истории священники убеждали детей, что бог — творец и промыслитель мира, к которому дети должны проникнуться любовью и благодарностью. Из церковных школ «изгонялись» учебники прогрессивных педагогов — К. Д. Ушинского, И. А. Худякова, В. П. Вахтерова, так как они — по

отзывам духовных цензоров — мешали развитию религиозных чувств. Их заменяли антинаучные учебники, составленные в религиозно-монархическом духе. К светским начальным школам духовные власти относились крайне враждебно, называя их «орудием растления народа». Церковники обвиняли эти школы в том, что они заражены «противорелигиозностью», «безнравственностью», пытались настроить крестьян против них и добиться их закрытия.

Церковно-приходская школа не удовлетворяла народные массы. Крестьяне сравнивали эту школу с лампочкой-коптилкой, которая пропускает тусклый свет. Как писала в 1912 г. большевистская «Правда», «крестьянская масса жадно искала знания, широкого знания, которое дало бы ответы на поставленные жизнью вопросы». Но этих знаний церковная школа не давала. Под влиянием большевистских идей о просвещении народа крестьяне высказывались против церковных школ. Они прекращали отпуск на них денег и требовали открытия светских школ, а также отделения церкви от школы. В ответ на эти требования правительство и духовное ведомство усилили террор в области народного просвещения...

Чтение художественной литературы духовное ведомство считало грехом, ибо усматривало в ней угрозу для религии. Духовное ведомство старалось помешать распространению художественной литературы, добиваясь её запрещения и уничтожения. При издании в 1853 г. полного собрания сочинений Н. В. Гоголя из его произведений по требованию духовных властей исключили многие места, которые были найдены оскорбительными для церкви...

Духовные власти относились враждебно и к передовой науке, к её лучшим представителям. Опасаясь, что развитие естествознания и распространение материалистических идей подорвёт основу христианской религии — веру в бессмертие души, духовные власти боролись против распространения этих идей. В 1866 г. появилась замечательная книга русского учёного И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой разоблачались религиозные представления о человеке и его душе. По настоянию духовных цензоров эту книгу «за изложение самых крайних материалистических взглядов» признали вредной и наложили на неё арест. Автора хотели сослать в Соловецкий монастырь «для смирения и исправления». Но к книге И. М. Сеченова было привлечено внимание общества, и, боясь возбудить к ней особый интерес, цензурное ведомство было вынуждено снять с неё арест. Однако труд И. М. Сеченова продолжал долгое время числиться в списках запрещённых книг. Автора книги зачислили в число «неблагонадёжных» и запретили ему читать лекции для народа.

XX

Отлучение и анафема

В начале XX в. православные иерархи вновь прибегли к этому средству борьбы со своими противниками, на этот раз выступая против Л.Н. Толстого и его учения. Толстой вёл борьбу с Синодом и всем полицейским аппаратом господствующей церкви, но он не был противником всякой религии. Подновляя церковное учение, Толстой отвергал признанную казённой церковью обрядность, чем подрывал её устои, но взамен проповедовал новую, очищенную религию. Он звал рабочих и крестьян к «непротивлению злу насилием», т.е. к отказу от классовой борьбы.

Синод усмотрел в деятельности Толстого «нарушение мира церковного» и отлучил его в 1901 г. от церкви. Отлучение было Синодом подготовлено ещё в 1890 г., когда Толстой отказался от казённой церкви и открыто выступал против неё. Но церковники не провели сразу это решение в жизнь, опасаясь, что отлучение придаст Толстому ореол мученичества и тем увеличит число его сторонников.

Чествуя память Толстого в статье, опубликованной в газете «Социал-демократ», В. И. Ленин писал в 1910 г., через несколько дней после смерти писателя: «... святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший Синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтётся ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки».

Отлучение преследовало цель восстановить против Толстого все тёмные силы реакции, разжечь к нему ненависть и вражду. Однако злобные выпады духовенства и реакционных элементов не отразились на отношении к Толстому широких масс. Как вынужден был признать обер-прокурор Синода Победоносцев, послание Синода вызвало лишь «тучу озлобления». Толстой с ещё большей страстностью обличал церковь и духовенство. «Я убедился, — писал он, — что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения».

Казённая церковь прибегала к отлучению и для борьбы с отдельными сектами. В 1910 г. Синод отлучил от церкви и предал анафеме основателя секты иоаннитов, «братца» Иоанна Колоскова, подвизавшегося в подмосковном районе, у которого было немало сторонников среди отсталых рабочих подмосковных фабрик. Этой

мерой Синод хотел приостановить рост сектантства среди рабочих и крестьян-отходников. Но репрессии по отношению к «братцу» (он подвергся аресту за устройство религиозного собрания) и предание его анафеме вызвали обратный результат, о чём с сокрушением писали московские фабриканты во главе с А. И. Морозовым московскому генерал-губернатору, настаивая на прекращении гонений на сторонников «братца» в интересах успокоения рабочих-отходников.

В 1912 г. отлучению от церкви по собственному настоянию подвергся выдающийся русский математик академик А. А. Марков (1856–1922). Марков писал, что он не усматривает существенной разницы между иконами и идолами и не сочувствует религиям, которые, подобно православию, поддерживаются огнём и мечом. Смелое выступление академика Маркова против религии и церкви было отмечено большевистской «Правдой» ...

В период борьбы с Советской властью церковные иерархи вновь обратились к анафеме как испытанному средству борьбы с революцией. Октябрьскую революцию церковь встретила с непримиримой враждебностью. Происходивший в Москве в дни захвата большевиками власти поместный церковный собор встал на путь контрреволюции и призвал к этому все православное духовенство. Под флагом защиты религии и церкви от большевиков духовенство объединилось с контрреволюционными организациями, выступавшими против молодой Советской республики. Мобилизуя контрреволюционные и малосознательные элементы на борьбу с властью Советов, церковные иерархи стали предавать анафеме Советскую власть и всех, кто её поддерживал. В послании от 19 января 1918 г. патриарх Тихон обвинил большевиков в том, что они будто бы организовали гонения на церковь. Он предал большевиков церковному проклятию, назвав их «извергами рода человеческого». Тихон призывал верующих восстать против Советской власти, «на защиту оскорбляемой и угнетаемой церкви», и, если окажется нужным, «пострадать за дело Христово»... В августе 1918 г. была издана инструкция по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Инструкция эта вызвала бешеную злобу церковных иерархов. Требуя от Советского правительства отказа от проведения декрета, собор обратился к верующим с призывом выступить против Советской власти.

Разжигание национальной и религиозной нетерпимости как средство отвлечения масс от классовой борьбы...

В годы первой русской революции развернулось широкое демократическое движение за свободу совести, за отделение церкви от государства и школы от церкви. Царское правительство в страхе перед революцией было вынуждено отказаться от непримиримости к неправославным и нехристианским религиям и предоставило некоторые права иноверцам. Однако указами от 17 апреля и 17

октября 1905 г. переход из христианской религии в нехристианскую запрещался по-прежнему, насилие над верой и совестью граждан не прекращалось.

В западных губерниях 150 тысяч униатов числились православными; обращены они были в православие еще в 70-х годах XIX в. при помощи драгунской нагайки и удерживались в православии суровыми полицейскими мерами и уголовными процессами. Церковь и правительство считали православными также 30 тысяч насильственно обращённых латышей. Сами же латыши считали себя протестантами. После опубликования указа от 17 апреля 1905 г. свыше 200 тысяч человек оставили насильственно навязанное им православие (170 тысяч в западном и юго-западном крае, 36 тысяч в Татарии и 11 тысяч в прибалтийских губерниях). Отпадение от православия продолжалось и после 1905 г., несмотря на ограничительные меры, и за период с 1905 по 1910 г. от православия отошло 316,8 тысячи человек. Этот процесс Синод пытался объяснить экономической зависимостью крестьян и безземельных батраков от помещиков (католиков и лютеран) и воинствующим характером католической пропаганды. На самом же деле в отпадении от православия проявлялся протест народных масс против их религиозной закабалённой. Борясь с этой формой протеста, Синод обвинял лиц, порвавших с православием, в том, что они потеряли связь с русским народом, враждебны русской национальности и русской государственности...

В годы реакции, наступившей после подавления революции 1905–1907 гг., были аннулированы и те немногие льготы, которые предоставлялись не православным и нехристианским народам указами о веротерпимости. Наступление на совесть граждан усилилось... Для разработки мероприятий против свободы совести в июле 1908 г. после длительного перерыва в Киеве был созван очередной миссионерский съезд, на котором присутствовало свыше шестисот представителей духовенства, в том числе 3 митрополита и 32 епископа. Это был съезд воинствующего духовенства, пытавшегося драконовскими мерами задушить свободомыслие в области религии и лишить гражданских прав тех, кто выступал против казённой церкви. Съезд принял меры против отпадения в католичество и лютеранство, а также против распространения социал-демократических идей. Наиболее опасным врагом религии съезд считал революционный марксизм. На следующем миссионерском съезде, собравшемся в 1911 г., присутствовало около тысячи представителей духовенства во главе с обер-прокурором Синода Извольским. Церковники требовали возврата к старым методам борьбы с религиозным индифферентизмом, с «инаковерующими».

Гонения на просвещение и науку

Однако церковь не могла помешать развитию научных идей, победоносному распространению материалистической науки в России. Она была вынуждена

приспосабливаться к новому времени. Теперь церковники заявили, что между наукой и религией нет противоречия, что естествознание и социальные науки не опровергают откровений и чудес, но согласуются с ними. Фальсифицируя данные науки, духовенство стало доказывать, что современное естествознание подтверждает библейские сказки о сотворении мира, что эволюционная теория не отвергает догматы христианской церкви (сотворение человека, его грехопадение и искупление), что развитие естествознания вовсе не ведёт к атеизму и не опасно для религии, что наука и религия могут жить между собой в союзе. Церковь стала бороться с подлинной наукой более тонкими методами. Религия, мол, не противоречит науке, а защищает её, «здравые» научные познания-де вполне уживаются с искренней верой. Этой проповедью необходимости примирения религии с наукой духовенство стремилось отвлечь народные массы от революционной борьбы.